

Николай ВОРОНОВ

Истина о самом себе

> О подмосковном Переделкине, Магнитке, Калуге, Оптиной пустыни, Москве и о тех, кто был оклеветан

Продолжение. Начало в № 55, 58, 61, 63, 66, 69, 72, 75, 78, 81, 84, 89, 92, 96, 99, 104, 108, 113, 117, 125, 134, 137, 140, 145, 148, 151, 154, 157, 160, 164, 166 (2010 г.), 7, 10, 13, 16, 19, 21, 24, 27, 30, 36.

«Непокой» идеалиста

В 1974 году издательство «Советская Россия» в библиотеке «Писатель и время» выпустило мою книгу «Непокой». Книга эссеистская. Она вобрала в себя индустриальное развитие страны послевоенной эпохи, следовательно, по естественным причинам в ней отразилось многообразие сущностей, которыми наш народ жил в политике, экономике, социологии, философии, в экологических исканиях, преобразованиях природы, художественного и этического сознания.

Книга «Непокой» вышла в пору, когда укрепившийся у власти Леонид Брежнев рвался перегероить полководца-геня Георгия Жукова, – и все это каверзно уходило за пределы очевидной личной партийно-государственной нравственности, во тьму всевластия. Теперь, спустя больше 30-ти лет, я надумал выверить, может, и в самом деле я подпадал под цепенящее внимание ненасытного кинодрала, званиехвата Леонида Ильича и без устаи цитировал его, как массово делали это советские воротилы, шелкоперы, издатели, живописцы, режиссеры театра, кино, телевидения.

«Непокой» – мой самый главный публицистический труд коммуниста, литератора, романтика, идеалиста, бессребреника. Уж с какого-то боку я, по всей вероятности, должен был цитировать Генерального Секретаря ЦК КПСС, Героя Социалистического Труда и четырежды Героя Советского Союза, Маршала и Председателя Совета Оборона СССР. Известных подвигов он не совершал, армиями и фронтами не командовал, военных академий не кончал, звезд с неба не хватал, а вот, поди-ка, и воспарил на космические высоты советских заслуг. Стало быть, в нем царили мистически-загадочные свойства, что-нибудь из которых я должен был открыть через цитаты. И я выверил, есть ли они в моей основополагающей книге. Ан, ни одной цитаты там нет, даже обрывок отрывка не через что-нибудь не проглянул. Но по мере того, как выверял, мне вспомнилось, что он обличьем своим, поступками, тем, что провозглашал, воспринимался мною как законченная посредственность, остающаяся для мудрости за пределами собственного опыта. И я припомнил единственный случай, когда процитировал его.

Служба человечности

Я выступал в телепрограмме, которую вел Сергей Баруздин, в тот период главный редактор журнала «Дружба народов» и секретарь Союза писателей РСФСР. Я выступал в ней второй раз, время давалось весьма протяженное: 50 минут монолога. Задание: наша промышленность в ее разносторонних обретенных и тенденциях. Первый раз за-

Леонид Ильич Брежнев – ненасытный кинодрал, званиехват, воспаривший на космические высоты советских заслуг

пись производилась заранее; второй раз передача без промедления шла в эфир. Кроме радактрисы этой программы, присутствовал цензор. Сам Сергей Алексеевич отсутствовал. Стержневым потоком выступления была тема: служба человечности. Я обозначил ее раньше и уже выдавал эссе, связанные с этой службой, прежде всего, в «Литературке» и в других газетах. Десятилетиями я с болью обнаруживал противоречие между самопожертвенностью тружеников тяжелой индустрии и условиями, в которых им приходится работать. Отдача сил и достижения грандиозны, забота о производственной среде и бытоустройстве до странности, возмущения и печали элементарны. И что обидно, обстоятельства обережения людей в моей родной металлургии замедлены, словно они существуют вне лишней, надрыва, трагедий.

Потомок металлурга, Брежнев окончил металлургический институт и работал на металлургическом заводе. Наверняка высказывание Леонида Ильича о самоотверженных тружениках металлургической индустрии было вдохновлено причастностью его судьбы металлургам, отсюда и возникли сокровенная похвала доблестям рабочего класса и горячий призыв относиться с неослабным вниманием к его нуждам и тревогам. Эти искренние в своей проникновенности слова (запомнилось впечатленье о них) запали мне в душу, и я подперся ими, чтоб со всей честностью выразить накопленные наблюдения, возвышенные и прискорбные, творчески устремленные и затеянные на пробуксовках, обнадеживающие и разочаровывающие...

При мне находилась книга «Непокой», и я ссылаясь на ее разнообразные примеры, полные жизненных

доказательств и внушительности: зачитывал отдельные места. Я видел и чувствовал, как пугающе аукается моя правда в цензуре и даже в редактрисе, склонной в суждениях к строгому анализу действительности. Смею сказать, – это не похвальба, я выражал страдание о бытии городского народа и сознание его нередко мучительной деятельности.

Вещи с натуры

Тогда мало кто осмеливался судить об урбанистической жизни нашего общества снизу доверху. Вот пунктирно, фрагментарно, полосами то, что я сумел заложить краеугольно в «Непокой»:

«Познание не умаляет числа вопросов, напротив, оно их увеличивает. К тому времени, которое мы определяем как зрелость, просто-напросто убывает наша пылкость»; «Почему-то защита оборудования лучше защиты человека?!»; «Объективность достигается средствами непредвзятости»; «Допускаю, что турбулентное течение в моем восприятии возникло от противоборства душевных потоков»; «Вдруг да неспроста эта коза подалась наперере самолета. Попасись ежедневно под завывания, рыки и свисты, от которых хочется зарыться в землю, возненавидишь эти летающие чудища и взбрендишь вонзять рога в их душные колеса»; «Как привести в согласие рукотворное и живое, красоту и технизацию? Как сделать так, чтобы доброе и полезное не оборачивалось злом? Способен ли человек на самоограничение собственной воли, предполагающей возможность держаться учтиво, без вероломства, с большинством обитателей планеты, будь то микро-организмы, насекомые, моллюски, пресмыкающиеся, птицы, рыбы или звери»; «...я был умственным юнцом

и частенько впадал в мелодрама-тизм: «Тоска. Под куполом ни звезды. Теперь под куполом у меня, у них.... Целая галактика»; «Вещи с натуры – статьи, очерки, эссе – одобряю, потому что печешься об ускорении технического прогресса, пытаешься защитить биосферу и здоровье трудовых коллективов и целых городов»; «– ...Тебе бы прокручивать действия, как космонавта на центрифуге»; «от бешеного вращения герой деформируется, размывается внешне и внутренне. Лица не разглядишь», «– ...Был сильной личностью и не нарушал законности. Был личностью и боролся против обезличивания подчиненных. Ввел на заводе День творчества»; «– ...шесть дней в неделю пять тысяч инженеров вколачивали себя в заводскую текучку».

– Делали план?

– А что такое делать план? Производить конкретную работу, которая своей привычностью, освоенностью, вызнанностью напоминает езду на велосипеде. Гигантский мозг, почти что уподобивший себя аппарату инстинктов. Мозг, который мало открывал нового, лишь помогал, патронировал открытиям рабочих, паразитировал на их открытиях. Все это Шахторин... узрел и решил изменить».

...Текучка усыпляет способности человека, стремление к осознанию собственных дел... Ба-ат-тю-шки, сколько возможностей упустил из-за того, что пер без оглядки, без жесткого анализа, к футуруму не обращал ум и воображение. Короче – введением творческого дня Шахторин увеличил умственную нагрузку инженерии и способствовал научно-техническому новаторству. Лаборатория прямого восстановления железа тем, что возникла, объя-

зана парадоксу

Шахторина: «будущее доменно-го производства – в отсутствии будущего...» Замах... Все рано, что сбить ладонью шапку льда с Северного полюса. А Шахторин: «Незнание любит надуваться самоуверенностью. Но ткну – лопнет, как воздушный шарик. Двуступенчатое производство стали на фоне современных экологических требований безмерно расточительно».

...За паузой великана угнездилось его отрицание».

– ... Жизнь отрицала само ваше отрицание?

– Положительное отрицание редко самоотрицается. У него слишком много препятствий, чтобы оно еще и самоотрицалось.

Творители зла

«...Мы могли бы быть во всех сферах первыми в мире. Есть категория людшек... ..думают, что совершают благо, а сами творят зло. Задвигают не то чтобы в тень, в потемки сколько-нибудь значительные открытия, противостоят провидцам и новаторам».

«И тогда – представлялось им – печь будет еще одним чудом XX столетия, наподобие подводного домика Жака Ива Кусто».

«Ему нравилось быть самовластным. Он был нетерпим к критике со стороны подчиненных и беспощадно пресекал всякие, как он выражался, вылазки против себя».

«Как-то на прием к Самбурьеву по телефону попросился главный санитарный врач города Плеер. Он работал в городе всего несколько месяцев: приехал, демобилизованный из армии. Он сразу невольно обратил внимание на то, что город задымлен и запылен, а возглавив санитарную службу, узнавал, все сильнее недоумевая и возмущаясь, что на металлургическом комбинате не ведется сколько-нибудь значительной работы по улавливанию газа и пыли».

«Глаза Самбурьева заблестели, как стекло под солнцем, раздавленное катком».

– Тут, доктор, экономика. Экономика же решает решительно все.

– А сколько, по-вашему, стоит человеческая жизнь?

– Смотря какая. За иную копейки не дам. Собственно, цена жизни – по твоей части. Кому не нравится наш воздух, может уезжать. То же самое могу повторить тебе».

«Самбурьев был вызван в Белокаменную на очередную сессию Верховного Совета СССР... стало известно из торжественных сообщений газет, еще до возвращения Самбурьева восвоился, что такой-то металлургический комбинат принял на себя дополнительные обязательства по приросту продукции и тем самым доведет этот прирост за семилетие до 60 процентов».

«Масштабность действия, на какое решился Самбурьев, ужаснула рабочих и руководителей комби-

ната.то, чем располагал комбинат, не предвещало объявленного прироста продукции. Ведь сверх нескольких десятков миллионов тонн руды, агломерата, кокса, стали, чугуна

надо было ежегодно добывать, спекать, выжигать, выплавлять, прокатывать еще миллионы тонн каждого вида этой продукции, отдельно взятого. ...При существующих мощностях комбината нельзя справиться с самостоятельной программой Самбурьева. Положение усугублялось тем, что машины и оборудование, смонтированные в 30–40-х годах, изнашивались, требуя замены и частых ремонтов, а также тем, что возведение новых мартеновских печей не предусматривалось, а строительство домны и аглофабрик замерло на стадии подготовительных работ. Давая свое царски грандиозное обещание, Самбурьев, возможно, ждал, что быстро будет продвинут вверх по служебной лестнице. Так это было или не так – тайна. Правда, через некоторое время после возвращения из столицы он, как говорится на языке службистов, уехал с повышением».

Продолжение следует